

Екатерина и Роман Абдулловы

Вовка Ясный Сокол

6+

Познавательные рассказы для детей от 6 до 12 лет.

Екатерина Абдуллова
Роман Абдуллов
Вовка Ясный Сокол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63354253

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99623-6

Аннотация

Книга о дружбе мальчишек, об отношениях с родителями и о том, как это здорово – читать и узнавать новое. В увлекательной форме здесь поданы несколько технологий, которые помогут детям в учёбе.

Вовка Соколов – обычный ученик начальных классов, но истории с ним происходят совсем не обычные. То ему надо проверить на крепость замёрзшее бельё и сберечь молоко с помощью лягушки, то поймать зайца и спасти от воров раритетные книги соседа. А ещё исправить двойку за диктант, совладать с английским и запомнить стихи. В учёбе Вовке помогают мнемотехники и принцип «что делаешь, то и тренируешь».

Содержание

Гроза бабок	4
Почему бельё сохнет на морозе?	12
Лягушка + молоко = ?	13
Самая большая рыба	14
Где настоящая жизнь?	23
Эксперимент с людьми	30
Эксперимент с крысами	31
Сарделька, сосиска и пять шоколадок	32
Эксперимент: запомни список из десяти слов.	47
Что делаешь, то и тренируешь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Абдуллова, Роман Абдуллов Вовка Ясный Сокол

Гроза бабок

В деревне у бабушки меня считали хулиганом. Не все, конечно, но окрестные бабульки точно. Так и говорили моим родителям, мол, хулиган ваш Вовка и пакостник.

А я просто любознательный и книги читаю!

Началось всё с одного случая зимой, когда я приехал к бабушке на Новый год.

Я тогда учился в первом классе, и физрук, Павел Григорьевич, сказал нам, чтобы в каникулы мы тренировались ходить на лыжах. Папа отнёсся к пожеланию учителя со всей ответственностью, особенно когда увидел, как я езжу (он сказал, что как пингвин), и в деревню со мной отправились деревянные просмоленные лыжи и новенькие красные палки.

Палки мне очень нравились. Ими можно было делать что угодно: стрелять, как из автомата, пугать кошек и ворон или во что-нибудь втыкать.

Да-а, втыкались они просто замечательно! Я проверил.

Дело было так. Снегу намело – ух сколько! От заборов одни вершинки торчали. И мороз ударил. Но дома мне не сиделось, и я пошёл кататься.

Красота! Щёки щиплет, пар изо рта – клубами, а ресницы слипаются. На улице – ни души. Один я, как первопроходец на Северном полюсе!

Прокатился я по огороду, через торчащие верхушки забора перешёл на огород бабы Тони и прокатился ещё и по нему. Вдруг смотрю – бельё на верёвках сушится. Простыни там разные, пододеяльники. Я думаю, как же оно зимой-то высохнет? Подъехал поближе, потрогал одну простыню палкой, а простыня вся целиком, как огромная белоснежная пластина, качнулась. Замёрзла! И висят такие пластины, твёрдые, обледенелые, на всех верёвках. Не шелохнутся.

Я ткнул посильнее, чтоб простынь раскатать, а палка-то возьми да и проткни ту насквозь. Смотрю я на дырку – чудеса! Простынь же твёрдая, как деревяшка, а так легко прокололась.

Ткнул я ещё раз. Снова дырка. Кругленькая такая, аккуратная.

И так интересно: если медленно ткнёшь, то простыня только качается, а если резко, то не шевелится, а хрупнет – и прокол.

Проехался я вдоль всего белья, проверяя его на прочность, а потом отошёл и окинул взглядом. Всё в одинаковых

дырках. Прямо ажурное!

Вот что вода и мороз делают! Физика!

Разглядывал я дело рук своих и вдруг подумал, это что ж я наделал-то? Всё бельё бабы Тони испротыкал! Вряд ли она проникнется моим духом экспериментов и поймёт, что вреда я причинить не хотел.

Страшно мне стало, что накажут за испорченное бельё, и тихонько, пока никто не видел, я вернулся домой.

Тогда я ещё не читал книг про индейцев и следопытов и не сообразил, что такую лыжню натоптал, по которой даже слепой преступника отыщет. Вот и баба Тоня меня нашла.

Ох и влетело мне. Наругали, извиняться заставили, а баба Тоня всё говорила, что надо меня заставить каждую дырку зашить. Чтоб впредь неповадно было.

Или вот ещё раз было, летом.

Вычитал я, что в старину с помощью лягушек молоко хранили. И как по заказу пришла баба Нюра, пожаловалась бабушке, что холодильник сломался, что мастер только через день подъедет и что продукты она в погреб снесла, но всё равно боится, кабы молоко не скисло.

Ну у меня тут в голове и щёлкнуло. Оно всегда как-то щёлкает. Так вот, щёлкнуло в голове, вспомнил я про лягушек и решил бабынюрино молоко спасти. Поймал в заводи у реки двух прекрасных пузатых лягуш и пробрался в соседкин погреб. Выкопан он был за домом и запирался только на задвижку – самое то для спасательной операции. Бабе Нюре

О лягушках я, конечно, говорить не стал. Мало ли, вдруг она книг не читает и не знает, что лягушки молоко сохраняют. Я правда, и сам не понимал, как они это делают, так что решил заодно и проверить.

В общем полез я в погреб, а лягушки, за пазухой спрятанные, возятся, телами своими холодными и сырыми живот мне щекочут. От такой щекотки я чуть со ступенек не свалился. Но ничего, устоял.

В погребе было прохладно и темно. После жаркого полудня очень даже приятно посидеть здесь, подумать о жизни. Жаль времени нет. Молоко спасать надо, да и самому выбираться. Спустил я лягуш в банку с молоком, полюбовался, как они там ловко лапками гребут, и пошёл восвосяи. Перед этим только крышку снятую положил на горлышко банки, оставив небольшую щель. Это чтоб лягушки не задохнулись и не вылезли.

До самого вечера я ходил довольный и гордый от своей сообразительности. А вечером прибежала баба Нюра и с порога как завопит:

– Убили! Убили!

Бабушка за таблетки схватилась.

– Кого убили?!

– Меня чуть не убили, – кричит баба Нюра. Увидала меня, пальцем тычет: – Вовка твой, хулиган, молоко мне отравил!

Ну потом, конечно, разобрались, что ничего я не травил, а вовсе даже спасал. Однако баба Нюра обиду на меня затаила.

Тут ещё и баба Тоня вспомнила мои зимние эксперименты, и на пару они всем о моем «хулиганстве» разнесли.

С того времени уж год прошёл, и я опять на всё лето к бабушке приехал. А соседки до чего злопамятные оказались, никак ни простить, ни забыть не могут. Собрались сегодня в лес за земляникой и попросили мою бабушку за их внучками присмотреть.

Бабушка говорит:

– Некогда мне, Вовка приглядит.

А они ни в какую. Внук, говорят, твой плохому наших лапочек научит.

Мне, конечно, с девчонками-пятилетками сидеть не охота, но и обида разбирает – что ж они, совсем-то негодяя из меня делают?

Бабушка повздыхала и согласилась. Но вскоре на огород засобиралась, ну девчонок мне и сбагрила. Тебе, говорит, уже восемь, первый класс за плечами – справишься.

Я честно справлялся целых полчаса. Честно мучился с Ленкиными косичками и Веркиными чаепитиями с куклами, но на купании пупса сдулся. К тому же я полночи читал «Фантазёры» Носова и теперь со страшной силой хотел спать.

И тут у меня щёлкнуло.

Я сказал девчонкам:

– Будем играть в детектив. Вы – юные сыщицы.

Ленка с Веркой глаза распахнули, кукол побросали и за-

пищали от восторга. А я дальше командую:

– Здесь произошло убийство. Я – потерпевший, а вы будете ходить вокруг, искать улики и убийцу. Ждите на крыльце, я пока всё подготовлю.

Радостные девчонки убежали, а я взял с кухни самый большой нож, горсть клубники и бабушкину вставную челюсть. Бабушка надевала её только в торжественных случаях, а так челюсть лежала в банке.

Ещё я взял папин сапог и сунул его в печь. Повозюкал там, чтобы в саже хорошенько замарать, и пошёл к себе в комнату.

Там я распахнул окно и оставил на подоконнике жирный отпечаток сапога. Сам сапог выкинул в кусты, чтоб избавиться от улики.

Что делать с бабушкиной челюстью я не знал, просто она мне казалась очень зловещей. Чуть подумав, я привязал её на длинную нить, которую протянул от люстры до кровати. Теперь если потянуть за нить, то челюсть поднималась, а если нить приспустить, то повисала на уровне моих глаз. Свободный конец нити я привязал к руке.

Так, теперь убийство.

Намазал я себе грудь клубникой, а под мышку нож засунул.

Ну а потом я сделал то, ради чего всё и задумывалось – улёгся на кровать. Хорошо-то как...

Я ещё немножко полежал, потом крикнул девчонкам за-

ходить и закрыл глаза.

Ленка с Веркой забежали. Сначала притихли. Потом подкрались ко мне, осмотрели и захихикали. Одна даже потыкала в клубнику и вроде как облизала палец.

Я лежал не шевелясь и не поднимая век. Девчонки ползали по комнате, заглядывали под кровать, а потом нашли след от сапога и убежали в сад.

Я задремал. Или вовсе крепко уснул, потому что не услышал, как пришли баба Нюра с бабой Тоней.

Проснулся я от воплей. Страшные такие вопли, я когда в сказках про баньши читал, то их крики именно так и представлял. Громко, протяжно и жутко.

Подскочил я на кровати, глаза открыл. А баба Тоня как увидела это, так и в обморок рухнула.

Баба Нюра оказалась покрепче. Она просто вопила, тарашась на меня, как на привидение. Я хотел успокоить её и убрал нож. Но при этом поднял руку...

Вставная челюсть спустилась с люстры, как огромный инопланетный паук. Этого зрелища не выдержали и тренированные нервы бабы Нюры. И она тоже упала в обморок.

На крики прибежала бабушка, следом Ленка с Веркой и папиным сапогом...

Потом бабушка опять пила таблетки, давала их бабе Нюре и бабе Тоне. Так и сидели они до вечера – чай гоняли, меня пакостником называли. Бабушка, правда, защищала, но куда ей против двоих.

А я отмывал окно и сапог и думал, что теперь-то бабки по всем соседкам пройдутся, всех оповестят, дескать, правы они были насчет меня. Это раньше можно было на малолетство списать мои шалости, а теперь-то я взрослый – восемь лет и первый класс за плечами. Эх...

Почему бельё сохнет на морозе?

Когда сырое бельё вывешивают на мороз, то вода начинает испаряться, поскольку её температура выше, чем у окружающего воздуха. Мы даже видим, как от белья «валит пар».

Однако, вскоре температура воды опускается до нуля и она замерзает. После этого начинается процесс сублимации.

Сублимация – это испарение твёрдого вещества.

В нашем случае испаряется лёд! И заметьте, чем сильнее мороз, тем меньше влажность окружающего воздуха и тем сильнее лёд испаряется.

Проведите эксперимент: зимой – в мороз! – повесьте на улице (или на балконе) влажную ткань. Можете взять свою футболку. Она вскоре заледенеет и станет словно деревянная, но тыкать лыжной палкой в неё всё же не стоит – наш опыт в другом. Через несколько дней занесите футболку домой. Она будет казаться вам всё ещё влажной, но когда согреется, вы увидите, что она почти сухая. А ещё очень вкусно пахнет морозом.

Лягушка + молоко = ?

Раньше, когда ещё не было холодильников, хозяйки запускали травяных лягушек в молоко, чтобы оно не скисало. Выдумки, скажете вы. А вот и нет!

Группа химиков из МГУ им. Ломоносова провела эксперимент с лягушками и молоком и подтвердила – да, молоко не портится.

В чём же дело?

*Химики выяснили, что кожа лягушек выделяет особые вещества — **пептиды**, которые обладают противомикробным и антигрибковым действием. Причём некоторые из них эффективнее многих современных лекарств с синтетическими антибиотиками.*

Именно пептиды и предохраняют молоко от прокисания.

Внимание! В молоко запускали только травяных лягушек – самый распространённый у нас вид. А некоторые амфибии, к примеру, жерлянки и чесночницы, выделяют ядовитую слизь, и их не то что в молоко садить, даже в руки брать не надо.

Самая большая рыба

– Вовка, мы с мамой завтра приедем! – папин голос в телефоне звенел от радости.

Я тоже обрадовался. Всё-таки в деревне хоть и интересно, но скучновато одному. Из ребят здесь были только Ленка с Веркой, но не играть же с малышняй. А с папой можно заняться чем угодно.

Я сразу спросил:

– Рыбачить пойдём?

– Пойдём, – согласился папа. – Обязательно даже пойдём!

Ох, как я мечтаю о жареной хрустящей рыбёшке с яйцами и зелёным луком...

Я сглотнул слюну. Вроде и накормила меня бабушка вкусным борщом со сметаной, а всё равно сглотнул.

– И в лес с палаткой? – спросил я.

– И в лес с палаткой, – подтвердил папа. – И купаться каждый день будем. Плавать тебя научу.

Я молча засопел в трубку. Папа тоже молчал. Он знал, что воды я боюсь до ужаса. Даже по колено в воду боюсь зайти. Отчего так, мама с папой не понимали. Никогда я не тонул, не смотрел страшные фильмы про акул или ещё что, просто однажды, года в три, отказался залезать в ванну. Сейчас-то я, конечно, моюсь в ванне, но в реку всё равно не захожу.

Мы ещё упрямо помолчали в телефоны, а потом папа принялся рассказывать, какой он купил казан для наших походов, что уже проверил палатку и запасся охотничьими непромокаемыми спичками. Мы проболтали ещё полчаса, пока ему не поступил срочный вызов.

Папа у меня хирург, и сейчас он был на ночном дежурстве. Выходит, завтра он освободится не раньше восьми, и пока они с мамой соберутся, пока по магазинам... В общем, придут не раньше обеда. Зато на целый месяц! У папы отпуск!

До полуночи я ворочался, представляя нашу с ним деревенскую жизнь, а потом подумал, что завтра будет не до рыбалки. И я решил устроить папе сюрприз: порыбачить с утра, а на обед бабушка пожарит мой улов. Я даже зажмурился от удовольствия, представив, как папа будет хрустеть тонкими рыбёшками и с гордостью поглядывать на меня – вот, мол, какой сын-добытчик.

Из-за ночных фантазий я долго спал. Проснулся от звонких голосов Ленки с Веркой, которые спрашивали бабушку, когда я выйду гулять.

Я скривился, будто на лего наступил – такая же досадная мелочь под ногами, как Ленка с Веркой. Играли бы вдвоем в свои куклы!

Выпив кружку молока, я схватил краюху хлеба, удочку и ведёрко и побежал на речку. Бабушке сказал, что вернусь к обеду, рыбы принесу.

Она только крикнула вслед:

– Смотри, осторожнее там!

Это она всегда кричит, хоть в лес я пойду, хоть на дерево полезу. Обязанность у бабушек такая – про осторожность кричать.

За воротами я наткнулся на девчонок. В глаза сразу бросилось пышное жёлтое платье, в котором Ленка была похожа на огромный подсолнух. Девчонки счастливо заголосили и кинулись ко мне. Я – от них. А они – за мной!

Я остановился и говорю:

– Вам же бабушки запретили со мной играть.

А Ленка сощурила глазёнки, голову к плечу склонила и этак хитро говорит:

– А мы им не скажем.

– Всё равно, – говорю, – я на речку пошёл, рыбачить. Нечего вам там делать. У вас и удочек-то нет!

– Мы только посмотрим, – заканючила Верка. – Ну пожалуйста, Вовочка...

Я опешил, а потом как рявкну:

– Я – Вовка! Ясно тебе? Вовка, а не Вовочка!

– Ясно, ясно, – закивала Верка.

Я развернулся и пошагал к Быстрице. Так называлась речушка, на берегу которой стояла наша деревня. Думаю, речку назвали так за стремительное течение.

Весной, когда по крутым склонам в неё сливались все талые воды, она была по-настоящему опасной: глубокой, мутной, бурливой. Летом Быстрица мельчала, вода становилась

прозрачной, как стекло, но неслась по-прежнему споро, будто торопилась по важному делу. Даже кораблики по ней пускать не интересно, они слишком быстро уплывают и теряются из виду.

В прошлом году я вырезал деревянную лодочку, выстругал мачту, приладил её на термоклей, парус вырезал из старой футболки – целый день возился. А лодка возьми да уплыви. Я-то надеялся удилищем её к берегу подогнать, но куда там! Не догнал.

Всю дорогу позади слышались шёпотки и топот ног. Девчонки всё же увязались за мной.

На берегу я нашёл тропку, ведущую к воде, и аккуратно спустился на голый земляной выступ.

Речка тихонько журчала у самых ног, ветерок шелестел в густой траве, обдувал лицо, а над головой звенели комары, обещая устроить кровавый пир. Но их обещания меня не пугали – в кармане лежал полураздавленный тюбик с мазью от кровососов.

Я раздвинул удочку на всю длину, и она вспыхнула на солнце алым лучом бластера. По крайней мере, именно так я его представлял.

Вместо червя на крючок я прилепил комочек мякиша. Здешняя рыбёшка любит хлеб и охотно глотает такую наживку.

Я закинул удочку.

По воде шла беспрерывная рябь, глаза слепило, и попла-

вок сразу затерялся среди солнечных бликов. Впрочем, я не переживал. Подсекать, как папа, всё равно не умел, так что вытаскивал рыбу только, когда она плотно садилась на крючок и тянула его вниз. А это и руки чувствуют. Вытащу.

Прошло минут пять. Рыба не клевала. Я обновил наживку и снова закинул. Прошло ещё минут пять. Клёва не было... Сверху доносились звонкие девчачьи голоса, смех, и то и дело Ленка с Веркой спрашивали:

– Вовка, ты поймал рыбу?

– Вовка, а ты маленьких рыбок отпустишь?

– А большую рыбу ты можешь поймать? А акулу?

В конце-концов я рассердился и зашипел:

– Из-за вас не клюёт! Всю рыбу своими криками распугали! Подите отсюда!

Девчонки примолкли. Обиделись, наверное. А мне плевать – у меня тут сюрприз медным тазом накрывался.

Я стоял не шевелясь, чтобы рыба не заметила меня из прозрачной воды, и только удочку перекидывал, когда леску утягивало вниз по течению.

Начали донимать комары. Я намазался и снова замер.

Вдруг клюнуло. От неожиданности я сильно дёрнул вверх, и серебристая рыбёшка, пролетев у меня над головой, шлёпнулась на берегу. Я думал девчонки опять распищатся, но они молчали. Цепляясь за траву, я выбрался наверх. Рыбёшка билась о землю, а Ленки с Веркой не было. Ну вот, говорил же – из-за них все! А как ушли домой, так и рыба по-

перла.

Я опустил добычу в ведро и стал прилаживать на крючок новый комочек хлеба. Прежний весь размок и отвалился, когда я снимал рыбку. От предвкушения руки тряслись и, видимо, поэтому я не удержал хлеб. Вся краюшка с тихим бульком упала в речку, покачнулась на воде, а потом начала медленно опускаться.

Опомнившись, я упал на колени и попытался схватить её, но не успел. Хлеб лёг на песчаное дно. Сразу к нему подплыли мальки, закружились, затюкали носами.

Можно было бы спуститься, здесь вода даже до пояса не доставала, но при одной лишь мысли об этом внутри у меня все застывало и колени слабли.

Я потыкал удочкой в хлеб, но тот не цеплялся. Тогда я лёг на землю грудью, свесился с выступа и протянул руку. Мальки порскнули в стороны, но до хлеба я так и не дотянулся. Я ещё постоял на берегу, решая, что делать: то ли мух ловить, то ли за хлебом домой идти, – а потом выпустил пойманную рыбёшку и полез на берег. Ну их! Потом с папой порыбачим.

Вдруг совсем рядом громко плеснуло. Я ещё успел подумать, мол, неужели здесь водится такая огромная рыба, но тут раздался визг, а потом и крик:

– Ленка! Ленка!

Девчонки! Не ушли! Я рванул на крики.

Сначала увидел жёлтое Ленкино платье. Его несло течением к повороту. Я кубарем скатился вниз, к реке. Там была

одна Верка. Она прижимала руки ко рту и с ужасом смотрела на уплывающее платье. И тут до меня дошло. Там было не только платье – там была вся Ленка!

Верка перевела на меня круглые от страха глаза и прошептала:

– Вовка... Ленка упала...

Не помню, как меня вынесло обратно наверх, не помню, как бежал, но очнулся я только перед поворотом. Здесь река круто изгибалась, образуя песчаную отмель, и я забежал по колено в воду. Дальше идти не решился. Течение чуть с ног не сбивало!

Жёлтое пятно приближалось. Оно то виднелось среди бликов, то исчезало, и я никак не мог понять, там Ленка или нет. Если там, то почему не кричит?

Голова моя странно опустела, и я не мог сообразить, как Ленку поймать. Все какие-то глупости лезли: то орлом сверху подлететь, то сетью речку перегородить... Тут я вспомнил об удочке. Скинул её с плеча, резким движением выдвинул во всю длину и протянул в реку.

– Ленка, держись! – закричал я.

Речка была узкая, удочка аж до середины доставала, и Ленка должна была ухватиться.

Но она не ухватилась. Её так кружило и вертело, что удочку она не заметила. Только и мелькнули мимо жёлтый, надувшийся, как медуза, подол и торчащие вверх загорелые руки.

Вдоль реки Ленку было не догнать – кораблик ведь я не догнал, – поэтому я бросился наперерез, через берег. Река огибала пляж так круто, будто хотела сделать круг и вернуться назад, поэтому бежать было недалеко.

Выскочив на ту сторону поворота, я вгляделся в воду. Больше всего пугало, что Ленка не доплывет до меня и утонет. Но вот из-за поворота показалось её платье, и я, ни секунды не раздумывая, бросился в реку. Сначала зашёл по колено, потом по пояс...

Ледяная из-за родников вода судорогой сводила мышцы, а течение так и норовило повалить. Но я стоял. Растопырил руки, чтоб поймать Ленку наверняка, и стоял. Глаза слезились от солнца, от бликов и от напряжения, а я смаргивал слёзы и шептал:

– Сюда... Пожалуйста, сюда...

Ленка была всё ближе. И всё чаще она скрывалась под водой. Провалится – вынырнет, провалится – вынырнет...

Я приготовился. Вот последний метр... Не достану! Я ещё шагнул вглубь, обеими руками вцепился в проплывающий мимо жёлтый подол и потащил Ленку к берегу...

Мы сидели на песке, мокрые и обессиленные. Ленка всё кашляла и кашляла.

Прибежала Верка, села рядом с нами и громко заревела.

Ленка взяла меня за руку своей холодной, посиневшей рукой и сказала:

– Во-во-вовочка... – Зубы её стучали, и она через силу выталкивала слова. – Вовочка, ты меня спас...

– Я В-в-вовка, – простучал зубами я в ответ.

Верка всё ревела, и Ленка тоже сморщилась, будто вот-вот заплачет. Тогда я растянул замёрзшие губы в улыбке и сказал:

– Ленка, ты самая большая рыбина, из всех, что я поймал.

Пока мы шли обратно, девочки успокоились и одежда высохла. Бабушке я ничего не сказал. И Ленке с Веркой запретил рассказывать, иначе меня перестали бы пускать на реку, да и баба Нюра с бабой Тоней опять бы всё перевернули с ног на голову и решили бы, что я их внучек утопить хотел.

А когда приехали родители, я подошел к папе и сказал:

– Папа, научи меня плавать.

Где настоящая жизнь?

Первое сентября, когда у меня начинался второй класс, я ждал со смешанными чувствами. Здорово же увидеться с ребятами, поболтать о том, о сём, встретиться с Галиной Ивановной. Кругом цветы, банты, белые рубашки, домашку не спрашивают... Одним словом – праздник!

Зато за первым сентября приходит второе. А это уже совсем не то. На окнах и на учительском столе ещё стоят вчерашние букеты, на улице ещё зелено, ещё можно гонять мяч и кататься на великах, ещё наливаются яблоки в бабушкином саду, а мы должны сидеть, глядеть на доску и слушать. Должны писать, считать, отвечать... Тоска!

Поэтому, когда нас отпустили после линейки и классного собрания, я тут же вскочил и закричал:

– Айда на стадион! Мне мяч футбольный купили, поиграем!

Я думал, что мальчишки обрадуются, но никто меня и не слушал. Все сгрудились около Ленки Горохова и галдели, как стая сорок:

– А у меня диагональ больше!

– А у меня зато пятнадцать гигабайт интернета!

– А у меня вообще безлимит!

Я вклинился в толпу одноклассников. Все были со смарт-

фонами и хвастались. Лёнька важно тыкал в экран огромного смартфонщика, который только двумя руками и удержишь, и говорил:

– Так, Женьку я в друзья добавил, Серёжку тоже... Валерка и Сашка с прошлого года есть. Ну, кто ещё из продвинутых?

Я смотрю, а они в ВК зашли и друг друга, в друзья, значит, добавляют. Тут Лёнька заметил меня и говорит:

– О, Вовка! У тебя как с современными технологиями?

Я хотел сказать, что телефон имею. Обычный, правда, кнопочный, мне ж звонить только, но Валерка вдруг засмеялся:

– А у него мяч! Футбо-о-ольный...

Все тоже почему-то засмеялись.

Я стоял, как дурак, а ребята обсуждали какую-то игрушку на компьютере.

Но я всё же спросил:

– Так в футбол будет кто-нибудь?

– Ты, Вовка, совсем отстал, – ответил Лёнька. – Сейчас вся жизнь здесь, – он потряс своим смартфонщиком.

– И футбол? – спросил я.

– И футбол. Ну, пока, – на прощанье он хлопнул меня по плечу и ушёл, тыкая пальцем в экран.

Дома я посидел у окна, поглазел на пустой стадион. Потом взял мяч и вышел. Попинал немного в ворота, но быстро за-

скупал и вернулся.

За ужином мама спросила:

– Ну что, Вовка, поиграли в мяч?

Я тяжело вздохнул, вытащил из супа длинную капустину, съел и только тогда ответил:

– Знаешь, мама, лучше бы вы мне смартфон подарили.

– Чем же он лучше? – удивился папа. – Там ведь всё ненастоящее!

– Может и ненастоящее, но там теперь вся жизнь. – Я опять вздохнул.

– О как!

Мама с папой переглянулись.

– Вовка, ты уже большой парень, – начал папа, – поэтому поймешь. Я тебе как врач расскажу. Вот мозг возьмём. В нём миллиарды нейронов и каждую секунду между ними образуются связи. Так мы узнаём и запоминаем новое, так мы думаем. За счёт связей между нейронами! Понимаешь? Хорошо... Идём дальше. Связи создают такую сеть или карту – базу. База формируется примерно к двадцати годам, а потом только достраивается мелкими деталями. Представь себе, – папа внимательно посмотрел на меня и медленно, выделяя каждое слово, произнёс: – База закладывается в детстве. У взрослых мозг не способен на такую активную работу.

– И чем помешает смартфон? – спросил я. – В интернете же куча информации, хоть десять карт в мозгу построишь.

– Ха, информация! Как будто все сидят и научные ста-

ты читают! Ага, держи карман шире. Смотрят фотки, видео, да короткие сообщения. Эту информацию мозг не усваивает! Ты скользнул глазами по картинке, по надписи и уже через пять минут забыл. Это просто короткое развлечение. Не формируется база! Понимаешь? Связи не создаются! И в итоге человек выходит во взрослую жизнь ничего не умея, не зная. Он не приспособлен и боится этой жизни. Ему проще продолжать сидеть напротив монитора. Тут ему все понятно, тут не страшно... Но разве это жизнь, а, Вовка? Тебе не кажется, что это обман?

Я промолчал. Наверное, все так. Мне и самому кажется, что лучше погонять в футбол по-настоящему. Падать и подниматься, догонять противника и убегать от него, пинать по упругому круглому боку мяча и ликовать, когда тот влетает в ворота. Что из этого можно испытать в виртуальной игрушке?

– Про влияние гаджетов на мозг можно часами говорить, – продолжил папа. – Почитать об экспериментах... Или вон мама расскажет, почему она перестала рисовать графику для игр. А, Светлан, поделись с сыном, из-за чего ты уволилась с такой замечательной работы?

Мама пожала плечами:

– Мне и дома хорошо работать... Но вообще-то, да, Вов, сначала мне очень нравилось то, что мы делали – интересно же, когда из твоих рисунков игра получается. Но потом я узнала – психологи специально разрабатывают методики

и приёмы, чтобы человека затягивало и он не мог оторваться, чтобы в любую свободную минутку спешил к игре... Вообще, смартфон для детей – это одна большая игрушка. Их мозг получает дофамин, гормон радости, и так вырабатывается зависимость. Человек получает удовольствие и от самой игры и от предвкушения её. Это наркотик...

Мама замолчала, печально глядя в пространство. Мне стало неудобно, я заёрзал на табуретке, швыркнул супом и спросил:

– И ты ушла?

– И я ушла, – подтвердила мама.

– А ещё здоровье подрывают эти твои смартфоны, – сказал папа.

– Они не мои, – открестился я и решил блеснуть знаниями: – Зрение портят?

– И зрение в том числе, – кивнул папа. – И если бы дети сидели в телефонах по часу, то это ладно, ерунда. Но ведь многие ночами из-за них не спят! Не дают мозгу отдохнуть, грузят его всяким информационным мусором, и в итоге – нервный срыв, агрессия! Да и вообще... Вот Корея, к примеру. Она первая подседа на иглу гаджетов. И что ты думаешь? Там уже школьникам диагноз ставят цифровая деменция!

– Деменция же у стариков, – возразил я.

– В том-то и дело, Вовка, в том-то и дело! Уже у детей мозг разрушается... Слушай, Вовка, нам с мамой будет очень грустно...

Мама поправила:

– Нет, мы будем в ужасе!

– Да, – согласился папа, – будем в ужасе, если тебя затянет в этот наркотический цифровой мир. Мы хотим, чтобы ты был счастлив. По-настоящему счастлив, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я.

Что тут не понять? Нервным типом с разрушающимся мозгом и мне быть не хотелось. Так и представляется Голлум из «Властелина колец». Только он над кольцом трясся, а я над смартфоном буду: «Моя прелес-с-сть...» Бр-р-р. Так себе будущее.

– Лучше читай книги, – сказала мама. – И интересно, и пища для ума.

– Ла-а-адно, – протянул я и выхлебал остывший суп через край. – Только у меня так друзей не останется.

– А думаешь, друзья в соцсетях настоящие? – хмыкнул папа. – Нет, брат, дружба познаётся не через записочки и фоточки. Дружба – это плечом к плечу! Ладно, пей чай и иди уроки делать. А в мяч мы с тобой в выходные поиграем и дядю Саню с сыновьями позовем. Во игра будет!

Я радостно кивнул, глотнул чаю и побежал в комнату. Там меня ждали «Приключения Буратино». Папа, видимо, забыл, что сегодня первое сентября и уроков Галина Ивановна не задала.

Но сначала я всё же выглянул в окно. Стадион по-прежнему пустовал. А жаль. Я бы и книгу отложил – рванул бы

к ребятам. Приключения приключениями, а настоящая-то жизнь, она там – плечом к плечу!

Эксперимент с людьми

Американские учёные из Техасского университета в Остине провели эксперимент на трёх группах людей. Все выполняли одни и те же тесты, но одну группу попросили положить телефон на стол экраном вниз, вторую – убрать телефоны в сумки, а третью – отдать наблюдателям в соседнюю комнату. Телефоны ставили на беззвучный режим.

В итоге третья группа выполнила тесты лучше всех. Намного лучше!

Исследования показали, что чем ближе телефон, тем больше внимания на себя он оттягивает, ведь подсознательно мы ожидаем сигнал. Такой режим ожидания использует ресурсы мозга и истощает его.

И ещё одна зависимость: чем чаще мы используем телефон, тем больше он нам нужен. А раз нужен, то внимания на него уходит больше и учимся мы хуже – тратим на урок много времени, а толку мало.

Эксперимент с крысами

Учёные провели такой эксперимент: крысе к определенному участку мозга прикрепляли электрод, а в клетке ставили педаль, при нажатии на которую в мозг посылался слабый разряд электричества. Таким образом у крысы стимулировался отдел мозга, отвечающий за выработку дофамина.

***Дофамин** называют гормоном ожидания счастья, гормоном интереса.*

Когда крыса поняла связь педали и своего удовольствия, то она принялась нажимать без остановки. Она забыла обо всех потребностях, и скоро эксперимент закончился. Крыса просто умерла от голода и обезвоживания.

У человека тоже вырабатывается дофамин, и человек тоже может попасть в зависимость ожидания счастья.

Именно это происходит с людьми, которые много времени проводят на развлекательных сервисах, например, на TikTok. При просмотре ролика человек так же, как и бедная крыса, ждёт счастья. Он смотрит ролики дальше и дальше. Счастье всё не настаёт, но человек его ждёт и ждёт... А жизнь проходит мимо.

Как же хорошо, что мы не крысы и можем остановиться!

Сарделька, сосиска и пять шоколадок

Однажды зимой мама послала меня в магазин.

– Тебе уже почти девять лет, – сказала она. – Справишься.

Ходил я по магазину, ходил, прилавки разглядывал и мучительно вспоминал, что же надо купить.

Может конфет? Вон их тут сколько – в разноцветных фантиках, больших и маленьких, шоколадных и карамелек... Нет, конфеты я бы точно запомнил.

А если пряников? Я люблю пряники, особенно с холодным молоком. О, молоко надо! А пряники – нет. Досадно...

Рядом с молоком лежало сливочное масло. Масло папа по утрам на хлеб мажет.

Решено – беру масло, хлеб и... пряники! Ну и молоко, конечно.

Расплатился я, пришёл домой и говорю:

– Мама, я половину забыл.

Мама заглянула в пакет и засмеялась:

– Вторую половину тоже. Только про молоко и вспомнил.

Мама снова перечислила мне продукты. Хотела на бумажке написать, но я отказался: не совсем ведь без головы, уж на второй-то раз не забуду. Однако телефон взял – маме по-

звонить, если что.

И вот снова иду в магазин, про себя список повторяю. Вдруг телефон зазвонил, а я все бубню под нос:

– Какао, мука... Да?

– Вовка, привет! Это не мука, а дядя Коля. Что-то я до мамы твоей никак не дозвонюсь.

Я обрадовался, кричу:

– Дядя Коля, здравствуйте! Она пылесосит, не слышит. А я ужасно вам рад, только говорить не могу, а то всё забуду.

– Что забудешь?

– Какао, мука, туалетная бумага, три сосиски...

Я всё перечислил, а дядя Коля и говорит:

– Вовка, это легко! Надо просто соединить все предметы по цепочке. Представь, что в какао высыпали муку. Потом в горку муки воткни рулон бумаги, и он наполовину торчит оттуда. Затем в этот рулон продень гирлянду из сосисок...

Когда мы добрались до конца списка, я уже сам придумывал, как и что соединять. В мандарины я повтыкал зубочистки, затем на зубочистки нахлобучил банку со сметаной, та даже проткнулась и сметана полезла сквозь дырки, начала стекать по зубочисткам. Вот чего я навывдумывал!

Я стоял у дверей магазина, смеялся и азартно кричал в трубку. А кругом народ! Все косятся на меня, стороной обходят, разве что пальцем у виска не крутят.

В общем, запомнил я список. Дядя Коля сказал, что так можно хоть сто предметов запомнить, хоть тысячу, а на про-

щанье пообещал скоро в гости быть.

Я всё купил, принес и попросил маму:

– А отправь меня ещё в магазин!

– Опять забыл что-то?

– Не, просто понравилось.

Мама проверила купленное, удивилась и сказала, что на сегодня с покупками закончено и пора мне делать уроки.

Я побрел в комнату и уселся за стол. Уроки учить не хотелось, а хотелось ещё потренироваться в запоминании списков. Очень уж увлекательно и похоже на крутой фокус. Я огляделся вокруг. Чего бы ещё запомнить? Кровать, шкаф, карта, машина, легио... Нет, не то. Свою комнату я итак наизусть знаю: ночью с закрытыми глазами что угодно здесь найду.

Я нехотя открыл учебник по окружающему миру и пролистал до страницы со следующим уроком.

– Что день грядущий нам готовит?

День грядущий подготовил целую страницу картинок с продуктами. Я с восторгом уставился на них. Вот оно! И в магазин ходить не надо!

Я запомнил все продукты по порядку, потом отдельно продукты растительного происхождения и животного – так требовалось в задании, и довольный собой, взялся за уроки.

На следующий день в школу я шёл с опаской. На носу были зимние каникулы, и Павел Григорьевич, наш физрук, гро-

зился сдачей подтягивания. А для меня турник – сплошное мучение и позор. Вот всё я умел: и бегать, и прыгать, – а подтягиваться – нет.

Опасения мои оказались не напрасны. После разминки Павел Григорьевич объявил:

– Сегодня сдаём подтягивание. Мальчики – на высокой перекладине, девочки – на низкой.

Мы подошли к турнику, к этой ненавистной железяке, до которой даже на цыпочках не достать, только со стула. На пятерку надо было подтянуться аж четыре раза. Я вытирал вспотевшие ладони о штаны и с тоской следил, как одноклассники ловко вверх себя тягают не только по четыре, но и по пять раз, а Лёнька Горохов так и вовсе шесть. Вот хвастун!

Лёнька спрыгнул и толкнул меня в плечо:

– Что Вовка, опять веселить всех будешь?

Я нахмурился и промолчал. Это им веселье, а мне расстройство одно.

С каждой минутой в груди всё туже сжимался горячий ком. Мой позор приближался. Вот уже и неповоротливый Женька подтянулся три раза, и тощий Гришка. Остались только мы с толстяком Толиком.

Мальчишки столпились тут же, ещё и девочки как назло подошли. Я чувствовал, что у меня даже голова вспотела и её будто иголками закололо от страха.

Толик вальяжно забрался на скрипнувший стул и сказал

Павлу Григорьевичу:

– Вы стул, пожалуйста, не убирайте.

Павел Григорьевич удивленно вскинул брови, но просьбе внял. Толик ухватился за турник, повисел секунд пять, носками касаясь стула, и опустился. Выдохнул:

– Всё, – и опять же неторопливо слез.

Мне на мгновенье чуть полегчало, обрадовался я, что не один такой. Но вокруг все как засмеялись: и мальчишки, и девчонки, даже Павел Григорьевич, хоть он и старался сдерживаться, но тоже улыбнулся. И опять внутри всё скрутило, сжало чуть не до тошноты.

– Ну, Вовка, – обернулся ко мне Павел Григорьевич, – твоя очередь.

Я шагнул на стул, как на эшафот. В голове гудело, ноги тряслись, а перед глазами туман встал.

Потными пальцами я вцепился в турник. Стул из-под ног выскользнул, и я повис. Руки напряглись, но как я ни старался, согнуть их не мог. Словно две твёрдые палки торчали из плеч.

– Ну, Вовка, постарайся! – уговаривал Павел Григорьевич. – Ты же будущий мужчина, защитник. Ну!

Он сделал только хуже. Слова о какой-то будущей ответственности надавили не хуже пресса, которым машины сплющивают. Пальцы разжались, и я свалился.

До конца физкультуры надо мной подсмеивались, а когда мы пришли в столовую, то Лёнька, увидав в тарелках пюре

с сосисками, вдруг выдал:

– Вовка с Толиком болтались на турнике, как сосиска и сарделька, – а потом подумал и добавил: – Сосиска и сарделька висели на стене, сосиска и сарделька свалились во сне.

– Лёнька, – сказал я с угрозой, – ещё слово и ты превратишься в отбивную.

– И кто меня отобьёт? Ты, что ли? Кишка тонка!

– Вон Толик отобьёт, – ответил я. – У него не тонка.

Все оценивающе посмотрели на Толика, и я сообразил, что не очень-то вежливо поступил. Вышло, будто Толика толстым назвал. Но он ведь и правда толстый...

Я подсел к Толику и сказал:

– Ты не переживай. Как говорится, сила есть – ума не надо.

Толик откусил за раз полсосиски и прошамкал полным ртом:

– А я не переживаю. И сила у меня есть. Во, пощупай!

Он сунул мне под нос согнутую в локте руку. Я потрогал бицепс. Ну да, мощно!

– У меня просто вес большой, – важно пояснил Толик. – А так я даже посильнее Лёньки буду.

Лёнька скривился, но ничего на это не ответил и дразнить Толика сарделькой перестал. Зато моё имя будто позабыл и всё называл сосиской.

– Сосиска, ешь сосиску, иначе сил не прибавится.

– Сосиска, а вдруг у тебя ни силы нет, ни ума? И как ты

живешь такой?

В конце-концов я не выдержал, перегнулся через стол и треснул ему ложкой по лбу. Лёнька вытаращил глаза и заверещал, как девчонка. Всё повскакивали, и чуть не вспыхнула драка, но тут наша классная, Галина Ивановна, заметила беспорядок и подошла. При ней все притихли.

Потом мы строем отправились в класс, а там Галина Ивановна велела сидеть всем на местах и не бегать, раз мы не умеем вести себя в общественных местах. Лёньке осталось только зло сверкать глазами, однако я знал, что он ещё отыграется за ложку и постарается, чтоб прозвище «Сосиска» прилипло ко мне навеки.

Всю перемену мы просидели за партами, а когда прозвенел звонок и начался «Окружающий мир», я с ужасом увидел, что не взял учебник. Потренировался вчера со списками на нём, а в рюкзак не положил.

Ну всё, теперь Лёнька будет звать меня глупой сосиской или безголовой, или ещё какой. Он горазд на выдумки.

Галина Ивановна сказала открыть учебники на странице девять. Все открыли. Кроме меня. Я наклонился к своей соседке по парте, Соньке Злобиной, и прошептал:

– Подвинь учебник на середину. Я свой забыл.

– Вот ещё! – фыркнула Злобина и вообще положила учебник на свой край.

Галина Ивановна увидела наши перешёптывания и сказала:

– Соколов Вова, а где твой учебник?

Я встал и, повесив голову, признался:

– Дома.

Галина Ивановна была очень хорошей учительницей: по пустякам не наказывала, голос на нас не повышала и всегда старалась разобраться в проблемах класса. Но вот насчёт тетрадей и учебников у неё был пунктик. Не принёс, забыл – значит не уважаешь ни школу, ни учителя.

Вот и сейчас Галина Ивановна прищурилась строго и спросила с холодком в голосе:

– Как же ты заниматься собрался? Вот прямо сейчас у нас тема «Как правильно питаться». Надо разглядеть фотографии и назвать продукты. Что же ты будешь разглядывать? Придётся тебе двойку поставить.

Две двойки за день – это уж слишком! Сначала по физкультуре, теперь по окружайке. Да ещё и за фигню такую! На соседнем ряду противно захихикал Лёнька и одними губами прошептал:

– Сосиска!

Тут у меня щёлкнуло, и я выпрямился.

– Зачем же двойку? – говорю. – Я и так, без разглядывания фотографий, вам отвечу. – И я по цепочке, как вчера запомнил, назвал все продукты по списку: – Рыба, редиска, горошек, яблоки, сливочное масло, лук...

Слова вылетали из меня без задержек и промедлений. Мне хотелось рассмеяться, глядя на вытянувшиеся от изум-

ления лица одноклассников и Галины Ивановны. А они смотрели то на меня, то в учебник, то на меня, то в учебник. Я даже глаза к потолку поднял, чтоб они не подумали, что я куда-то подглядываю. Лёнька тоже посмотрел на потолок. Но там, ясное дело, фотографий не было.

Когда я закончил перечислять, Галина Ивановна растерянно сказала:

– А ещё надо указать, какие из продуктов растительного происхождения, а какие животного.

Все снова в ожидании уставились на меня, а я выпятил грудь, устремил взгляд вдаль и ответил:

– Продукты животного происхождения: рыба, масло, сыр, яйца. Продукты растительного происхождения: редиска, горошек, яблоки, лук, сливовый джем, хлеб.

И главное – всё по порядку и ничего не забыл, не выпустил.

Целую минуту в классе висела тишина. Потом Галина Ивановна кашлянула и сказала:

– Садись, Вова, пять.

Я сел, а Сонька Злобина подвинула учебник на середину.

После урока вместо того, чтоб по домам разбежаться, ко мне полкласса подвалило. И все спрашивают, что это за фокус такой? Разные предположения со всех сторон так и сыплются, начиная с того, что мы с Галиной Ивановной сговорились, и заканчивая тем, что я будущее вижу.

Крики, гвалт – до потолка. Сонька уйти не успела, так её прижали к парте, а она уши руками закрыла и верещит:

– Отойдите, отойдите! Задавите, дураки!

Я встал на стул и тоже как гаркнул:

– Отставить крик! Никаких фокусов, сговоров и видений будущего! Секрет простой!

Все замолчали и с нетерпением на меня уставились. Один Лёнька сидел за своей партой и обиженно сопел. Ну да, его-то никто не спрашивал, как это он умудрился шесть раз подтянуться. Я сказал:

– Вот он где, секрет-то, – я постучал пальцем себе по лбу. – Память у меня хорошая. Я не то что продукты, я вообще любые предметы запомнить могу. Хоть сотню!

Про сотню я, конечно, так сказал, для красного словца. Всё равно, думаю, никто проверять не станет.

А Лёнька вдруг оживился, вскочил и закричал:

– Врёшь! Ты даже стихи-то через строчку рассказываешь!

Тут я смутился. Лёнька правду сказал – со стихами у меня беда.

– Ну стихи – это стихи, – пожал я плечами. – Мне просто скучно их учить. Лениюсь. А вот предметы запоминать очень даже полезно. На это я не лениюсь.

– Всё равно врёшь! – не сдавался Лёнька.

Смотрю я, ребята тоже задумались, недоверие на лицах проступило, ну я и говорю:

– Спорим?!

Лёнька:

– Спорим!

– На что?

– Да хоть на что!

Тут влез Толик:

– На шоколадку.

Мы сцепили мизинцы.

– Разбивай, Толька!

Толик разбил, и я сказал:

– Давай, Лёнька, чтоб всё по-честному, пиши на листке список, потом прочитаешь мне его, и проверим, кто врёт, а кто нет.

Лёнька выдрал из тетради лист и, пряча его от меня, старательно застрочил. Я на всякий случай предупредил:

– Смотри, Лёнька, только существительные записывай. Кто, что, понял?

– Да понял я, не глупей тебя.

Он вскинул глаза и погрыз ручку. Тут же ребята навалились на него, зашептали каждый своё.

– Да тише вы, я и сам знаю, – начал отпихивать их Лёнька. – Идите вон, свои списки пишите и с Вовкой спорьте, а в мой спор не лезьте.

– Вовка, можно я тоже?... – спросил Генка Атаманов.

– На шоколадку, – снова вмешался Толик.

Ребята загомонили:

– И я!

– И я буду!

Я даже немного разволновался. Что если ошибусь? Хватуном прослышу, да и денег на столько шоколадок у меня нет.

Но вот Лёнька закончил писать.

– Тридцать слов. Хватит для проверки.

– Хватит, – согласился я, внутренне содрогнувшись. Вчера я максимум запомнил двенадцать штук и то с помощью дяди Коли.

– Слушай! – сказал Лёнька и застрочил, как из пулемёта: – Сапог, тыква, гвоздь, лепёшка...

– Стой, стой! – закричал я. – Разве ж так запомнишь? Если бы Галина Ивановна нам так изложения читала, то даже Ленка Шапкина на «двойку» написала.

– Согласна, – тут же подтвердила Ленка, наша круглая отличница. – Надо с чувством, с толком, с расстановкой.

Лёнька аж зубами скрипнул, но кивнул:

– Хорошо, повторяю медленно. Сапог... тыква... гвоздь... лепёшка... ворона...

Я тут же представил папин сапог, который летом совал в печку, и на этот раз мысленно засунул в него тыкву. Затем в тыкву (уже без сапога) воткнул огромный гвоздь. Таких длинных гвоздей, на самом деле, наверное, и не бывает, но дядя Коля говорил, что предметы должны быть одинаковыми по размеру. Так что гвоздь мой пронзил тыкву насквозь. Затем на гвоздь (ясное дело уже чистенький, без всякой тык-

вы) я нанизал лепёшку, но эту лепёшку тут же сцапала ворона...

Ух, образы сменяли друг друга, как в кино. Мне было легко и просто представлять даже самую дичь. А все почему? А потому, что я книги читаю! Права была мама, когда говорила, что у тех, кто читает, воображение хорошее.

Напоследок Лёнька назвал турник и сосиску. Ох и вредный же! Опять все засмеялись. Но ничего, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

Я сказал:

– Спрашивай, Лёнька. Хоть от начала до конца, хоть с конца до начала, а хоть даже с середины.

Вся цепочка прочно сидела у меня в голове и стоило «потянуть» за одно звено, как перед глазами тут же вставали его соседи. Так что я мог называть предметы в любую сторону и с любого места.

Лёнька экспериментировать не стал и просто попросил назвать всё по порядку. Ну я и назвал:

– Сапог, тыква, гвоздь, лепёшка, ворона, книга, Толик...

Ребята уткнулись в список Лёньки и, затаив дыхание, следили за моими ответами.

В конце я с торжеством в голосе произнёс:

– Турник и сосиска!

Ребята дружно выдохнули и посмотрели на меня, как на восьмое чудо света.

Лёнька покраснел, вспотел, но не сдавался:

– А ну-ка, начни с ёлки и в обратном порядке!

– Да пожалуйста! – Я тут же вспомнил ёлку, которую я всовывал в огромную пуговицу, а до этого пуговицей накрыл море на карте мира... Я начал перечислять: – Ёлка, пуговица, море...

Когда я без единой ошибки добрался до тыквы и сапога, Лёнька от досады стукнул кулаком по парте и, как ошпаренный, выскочил из класса.

– Шоколадку не забудь! – вслед ему закричал Толик.

Другие ребята, видя такое дело, скисли, а я великодушным жестом разрешил им объединить свои списки в один, большой. Они согласились, надеясь, что уж восемьдесят-то слов я не осилю.

Но я осилил!

В груди у меня бушевала целая буря восторга и счастья. Я ликовал. Я чувствовал себя всемогущим!

Тут зашёл Лёнька и сердито протянул мне шоколадку:

– На! Выиграл, так выиграл.

Ребята тоже начали вытаскивать, кто «Сникерс», кто «Алёнку»...

Передо мной лежала кучка из пяти шоколадок, ребята потянулись к дверям, а мне вдруг стало стыдно. Как будто я всех обманул. Лёнька вон на секцию по борьбе ходит, тренируется, оттого и подтягивается так здорово. А я тут фокусы показываю.

Я крикнул:

– Стойте! Я вас тоже научу!

Ребята обернулись, а Лёнька прищурился:

– И меня?

– И тебя!

Ребята неуверенно запереглядывались, но всё же вернулись и сели за парты. А я, как заправский учитель, встал у доски и объяснил как запомнил список. Ребята сидели поражённые, а потом наперебой начали выкрикивать, что с чем и как соединять.

– А как ты турник с сосиской связал? – весело спросил Лёнька.

– Так и связал. На турник гигантскую сосиску повесил. Висит она, – вздохнул я, – и не может подтянуться...

Ещё полчаса, не меньше, мы развлекались со списками, съели все шоколадки, а потом счастливые отправились по домам.

Эксперимент: запомни список из десяти слов.

Опыт 1.

Внимательно прочитайте список, потом отвернитесь и попытайтесь повторить. Поехали!

Слова: стол, собака, ведро, журнал, холодильник, слон, шляпа, песок, нос, самолёт.

Наверняка вам было сложно назвать всё, да ещё и в том же порядке.

Опыт 2.

А теперь попробуйте запомнить этот же список, но уже используя технологию, которую дядя Коля рассказал Вовке. То есть запоминайте с помощью образов.

Технология: каждый новый предмет прикрепляйте к предыдущему, да покрепче. Можно приклеить, приколотить, засунуть одно в другое, надеть одно на другое и т.п. Предметы должны быть одинакового размера, увеличивайте их или уменьшайте – в собственных фантазиях вы хозяин. Главное, хорошенько представьте – красочно, в подробностях. Подключите воображение!

Например, на стол запрыгнула собака и дерёт его когтями. Затем ведро надели на собаку, а оно дырявое. Голова у собаки пролезла в дыру, и собака сидит с ведром на шее, как с воротником.

Представили?

Тогда начали! Вернитесь к списку предметов, и придумайте, как их соединить. Когда закончите, снова отвернитесь или закройте список и повторите.

Выводы:

В ходе эксперимента вы поймёте удивительную вещь: человеческий мозг легко запоминает новую информацию, если присоединяет её к уже известной. Благодаря этому свойству мозга и работает приведённая здесь технология запоминания списков.

Что делаешь, то и тренируешь

Новый год я ждал с нетерпением. Всё гадал, что же подарят мне родители. Я намекал им на парочку интересных книг, на большой глобус, который видел в канцтоварах, на планшет для рисования... Да на что я только не намекал! Весь декабрь намекал-намекал, гадал-гадал, и все намеки пошли прахом – ничего я не угадал.

Мне и в голову не приходило, что родители могут подарить такое! Такое ненужное и даже неприятное.

Турник! Они подарили мне турник! Ну и шведскую стенку впридачу.

Отправили меня в магазин, я там отстоял огромную очередь из-за дурацкого зелёного горошка, а они в это время прикрутили в моей комнате эту несчастную лестницу и турник на неё повесили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.